

Раздел 3. Правовые проблемы современной России

Мальцева А.П.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Для римского права и, шире, западной культуры человек становится заметен лишь тогда, когда он вступает в отношения с другими людьми (человек – *персона*). Система ценностей и добродетелей римского гражданина, сложившаяся к середине I века до н.э., понимает ответственность как то, что выявляется в поступке. Но при таком взгляде на человека не учитывается та внутренняя духовная работа, которая должна быть проведена индивидом, чтобы он мог стать прочным и надежным основанием отношения, работа по интерпретации себя. Ипостасность человека (от греч. *ипостась* – подставка, фундамент) западной культурной и правовой традицией не распознается в силу того, что человек понимается как *сразу* или *всегда готовый* к отношению и ответственности. Но не видеть «процессуальность» личности означает ставить под угрозу саму возможность ответственности.

Важно понять, что «Я», как основание ответственности, процессуально и проблематично. Представляется ошибочной мысль П. Рикера о том, что «я» говорящего и действующего не есть событие, о котором можно было бы сказать, что оно «случается» или «происходит». Напротив, я полагаю, что статус агента действия как автора или «владельца» этого действия каждый раз заново *восстанавливается*, это программа, нуждающаяся в постоянном *подкреплении*¹.

Собирание себя воедино можно обозначить как обретение *тождественности*. Э. Фромм определяет тождественность как переживание, «которое позволяет человеку с полным основанием сказать: я – это я, т.е. активный центр, организующий структуру всех видов моей реальной и потенциальной деятельности»². Я рискую пойти дальше и заявить, что тождественность,

¹ Бывают сколь угодно часто ситуации, когда еще не «наведенная», только предполагаемая, ожидаемая от человека целостность как бы испытывается уже готовой целостностью того, что – перед ним. В романе А. Камю "Посторонний" описана ситуация на пляже, которая требовала от главного героя немедленного выбора: либо должен был быть убит араб, с которым у друга главного героя были давние счеты, либо герой должен был восстановить свою собственную целостность, проведя процедуру самоидентификации, и, следовательно, не убивать, но жара, усталость лишили его необходимых для этого сил, и он совершил страшный поступок – убил человека.

² Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Аст, 1998. С. 377–378.

как *только человеческое* качество, есть процесс, *всякий раз* нуждающийся в подкреплении, обновлении и актуализации. Личность *всякий раз* восстанавливается, при этом энтелехия ее, силы на то, чтобы восстанавливать себя как целое, источником своим имеют *не самого человека только*. Я считаю, что действовать в согласии с моральными нормами, поступать нравственно помогает нам *доверие к другим*, которое необходимо, чтобы во всякой, всегда тяжелой, ситуации выбора подключаться к силе сообщества, опираться на силу сообщества, создаваемого нашим «желанием жить вместе» (термин Х. Арендт)¹.

Полагаю, что «Я» именно *случается и происходит*. Люди часто совершают ошибки или даже преступления потому, что события застают их врасплох. Быть всегда самим собой – трудная работа. В каком-то смысле личность – это профессиональный дозорный. Что же и от кого он защищает? Осмелюсь предположить: себя и от себя же, от искушения отождествлять себя с любым другим индивидом, существующим в данный момент в мире. Оттого “Кто виноват?” и “Кто ответственен?” – вопросы, которые подчас расположены в разных точках «временного отрезка» поступка².

Если исходить из того, что индивид сам и свободно выбирает те внешние элементы, которые будут значимы для него в ходе осуществления процедуры самоотождествления, руководствуясь при этом социально вырабатываемыми правилами и критериями, тогда мы вправе спросить о *правиле*, по которому происходит отбор внешних влияний. Как вербуются те, которых мы стыдимся или перед которыми чувствуем себя виноватыми? Как известно, особенно тщательно проблема следования правилу была продумана Л. Витгенштейном в его «Философских исследованиях». Философ пишет: «Если задание продолжить ряд мне дает кто-то, кого я боюсь, то я действую быстро и с полной уверенностью, и нехватка оснований не беспокоит меня»³. И далее: «Повинуясь правилу, я не выбираю. Правилу я следую *слепо*»⁴. Быть ответственным – следовать правилу, причем следовать слепо, а это возможно лишь, если доверишь чему-то (или кому-то), что (или кого)

¹ Герой А. Камю лишился доверия к другим, он уже давно ощущал себя *посторонним*, в силу этого и именно потому в критической ситуации выбора ему не достало сил поступить в согласии с общепринятыми нормами.

² Следует помнить, что социальные и гуманитарные науки описывают уникальный объект – людей, обладающих сознанием и наделяющих свои поступки смыслом или значением сообразно с самостоятельно и вовсе не всегда рационально выбранными ими программами (маргинального или нормального поведения). Социальная идентификация не может состояться раз и навсегда. Поиск идентичности – метаконтекст жизни.

³ Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: Гнозис, 1994. С. 166.

⁴ Там же. С. 167.

ты считаешь выше и сильнее тебя. Выходит, что следование правилу требует от сознания мифологических характеристик, о чем подробно будет сказано позднее.

Ответственность всегда предполагает ответ, держание ответа на «суде». В романе А. Камю «Посторонний» с философской точки зрения рассматривается ситуация ареста, предъявления обвинения и самого судебного процесса, в ходе которого черствость, выказанную главным героем на похоронах матери, свидетели и судьи сочли обстоятельством, усугубляющим его вину за совершенное позднее убийство человека (и приговорили его к повешению). Судьи Постороннего исходили из убеждения, что «Я» человека не есть длительность, но – точка отсчета, внутри себя не изменяемая, следовательно, если *вчера* или хотя бы один раз человек поступил аморально, это автоматически доказывает его виновность *во всех последующих* подобных случаях. Берусь утверждать, что это логика не правового, но мифологического сознания. Решение судей должно быть поставлено под вопрос, поскольку осуждать (проверять и перепроверять) можно только то, что остается более или менее неизменным. В этом смысле индивиды сознания не могут быть *проверены*, но не в силу их закрытого, частного характера, а в силу их процессуальности¹.

И еще. Не получается ли так, что судьи (как выразители мировоззрения современной им повседневной культуры) судят не только и не столько *за уже совершенное*, но и *за могущее быть совершенным вновь*? Если это так, то, осуждая, мы, на самом деле, *защищаемся*. Мы не говорим: примем в расчет множество добродетельных поступков, которые может совершить этот человек в будущем. Современное правосудие как бы говорит: примем в расчет множество злодеяний, которые этот человек может совершить в дальнейшем. Признаем, что здесь-то и происходит подмена: наказывая инерцию, мы сами следуем инерции. Это свидетельствует о наличии в нашем сегодняшнем, правовом, сознании элементов мифологического сознания, но – сознания перевернутого, отчужденного от человека целостного, именно мифологическим сознанием созданного. Причиной строгости нашего сегодняшнего решения выступает не прошлое, но будущее. Ведь мы действительно не можем *знать*, что в будущем данный человек вновь совершит то, за что мы его судим сегодня. Я хочу сказать, что мифологическое сознание, лежащее в основании повседневной культуры, судит «с запасом», и де-

¹ Момент сознания только кажется единым. В рамках каждого такого момента сознание колеблется между переживанием, знанием о переживаемом и знанием об этом знании. Судить за неумение «собрать себя вовремя», т.е., по сути, за то, что нас, людей, кто-то *не может* более любить, – несправедливо.

лает так, очевидно, вследствие *неразличения* прошлого, настоящего и будущего. Но это сознание именно перевернутое, отчужденное, поэтому, осуждая с запасом, мы демонстрируем наше новое, отчужденное, отношение к сообществу, к *общезитию*: отчужденное правовое сознание не удовлетворяет мысль о том, что преступник *уже* наказан тем, что он отныне отвержен, что он отныне потерял наше уважение, что *все* отвернулись от него, а имя его стало знаком общей беды. Если бы мы сегодня считали общезитие ценностью, мы бы согласились с тем, что сама поимка преступника, предание негативной огласке его имени – уже страшное и *достаточное* наказание. Я хочу сказать, что как только для наказания человека стало недостаточно его простой поимки и оглашения его имени как имени преступившего правила человеческого общезития, этот момент надо считать концом естественного устройства и рождением государства. Как появление частной собственности, по мысли Руссо, есть повреждение целостного и естественно гармоничного человеческого сознания, так появление *нужды* в заключении, порке, убийстве человека для его исправления означает повреждение человеческого общезития. Во всяком случае, осуждая «с запасом», современная культура признается как в том, что носит в себе элементы мифологического сознания, так и в том, что сознание это отчужденное¹.

Важно понять, что сознание «Я» принадлежит не только мне, а есть результат моей готовности в момент самоидентификации *принимать помощь от других*. Ю. Хабермас пишет, что идентичность человека, «моя концепция меня самого как автономно действующего и полностью индивидуализированного существа», может быть устойчивой лишь в том случае, если человек получает особого рода подтверждение, «согласие неограниченного коммуникативного сообщества», «признание со стороны идеальной аудитории», причем «признание и как вообще личность, и как эта индивидуальная личность»². Концепция самости нуждается в постоянном подтверждении со стороны других. Более того, как считает немецкий мыслитель, «самость этического самопонимания не является абсолютной

¹ Этим, вероятно, объясняется тот факт, что количество преступлений с развитием цивилизации не уменьшается, а наказание, как правило, не исправляет, не лечит преступное сознание, а лишь усугубляет отчужденность преступника от общества, углубляет его презрение к законам общезития. Преступление вообще возможно лишь при условии размывания или деградации мифологического сознания, в рамках которого коллективный опыт воспринимается как надежный именно в силу своей *коллективности, разделяемости всеми*. С позиции мифологического сознания только отпавший от своего рода, более не отождествляющий себя со своим родом (у-род) способен на преступление.

² Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект// Вопр. философии. 1992. №4. С.46.

внутренней собственностью индивида»¹. Нельзя *для себя самого* удержать казалось бы мое собственное «я», так как оно попросту принадлежит не только мне.

Но за доверие правилам, *сформулированным другими*, отвечает именно мифологическое сознание. Вот примечательная мысль Ф. Хайека: «Индивид, участвуя в общественных процессах, должен быть готов и испытывать желание приспособить себя к переменам и соглашениям, которые не являются результатом разумного плана, чье оправдание в частном случае может не быть явным, и которые ему часто представляются неразумными»². «Желание подчиняться таким правилам, не только пока человек понимает их причину, но пока у него нет определенных причин к противоположному, является основным условием постепенной эволюции и улучшения правил отношений в обществе; и готовность подчиняться продуктам социального процесса, который никто не задумывал, и по причинам, которые никто не может понять, также является нераздельным условием»³. Немецкий мыслитель настаивает на необходимости существования у каждого человека «в любом сложном обществе, в котором последствия чьих-либо действий простираются далеко за пределы кругозора совершивших их», готовности подчиняться и доказывает, что современное сложное общество невозможно без «индивидуального подчинения анонимным и кажущимся иррациональными силам общества – подчинения, которое должно состоять не только из принятия правил поведения, представляющих некую ценность и не требующих изучения, что, в частности, зависит от степени их обозримости, но также и из готовности предать себя переменам, которые могут серьезно повлиять на будущее индивида, возможности и причины чего могут быть при этом ему непостижимы»⁴. Но не приводит ли тогда это нас к выводу, что *чем активнее сознание очищается или освобождается от следов мифологичности, тем затруднительнее для человека следовать моральным правилам и подчиняться закону?*

Итак, мы сталкиваемся с противоречием: *с одной стороны*, правилу следуют «слепо». Вне готовности доверять сообществу, вне веры в способность коллектива принимать правильные решения просто невозможно применение правил каждым отдельным его представителем, невозможна традиция как таковая. *С другой стороны*, ответственность не может быть слепой, правовое поведение – это *сознательное* поведение. Ответственное

¹ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 47.

² Хайек Ф. Индивидуализм – истинный и ложный // Филос. науки 1998. № 1. С. 40.

³ Там же. С. 41.

⁴ Там же.

отношение к своему делу в современном обществе высокого риска предполагает не просто четкое исполнение своих обязанностей, но и «избыточное сканирование», когда, выполняя свою работу, человек следит за тем, как обстоят дела на соседних участках в пределах его видимости, а в идеале – «приглядывает» за процессом в целом. Только так можно свести риск сбоя системы со многими участниками к минимуму. С одной стороны, доверие другим, с другой стороны, умение быть собой, – вот две составляющие ответственного поведения и ответственной жизни сегодня. *Современное понимание ответственности требует от личности противоположного - рационального* состояния тождественности и целостности и *иррациональной* готовности доверять коллективу. Но так, то есть более широко, понимаемое ответственное поведение невозможно, если человека разучивают мыслить себя как неотделимую часть общества. Культ индивидуализма и личной свободы, лежащий в основании буржуазного либерализма, метафора человека-атома в механической картине мира, которая продолжает определять мышление многих, не позволяют расширять поле ответственности. Размывая мифологическое сознание, техногенная цивилизация разрушает то, в чем более всего нуждается, – условия ответственного поведения. Заимствуя термин из земледелия, можно назвать такие процессы «деградацией почвы».

И еще одно замечание. Представители неклассической концепции ответственности считают, что требовать от человека ответственного поведения можно лишь в правовом обществе. Мне кажется, что здесь они попадают в ситуацию, подобную «тупику Просвещения», когда социальные проблемы предлагали решать методами всеобщего просвещения, которое возможно, когда социальные проблемы решены. Государство и право, уничтожая человека естественного, требуют от нового, культурного, человека того, что создается именно отвергаемой или преодолеваемой естественностью. Требовать от человека любви к дальнему, т.е. *ответственного* поведения, и не дать ему сил для этого противоестественного поведения в виде Бога или ответной любви людей – жестоко. Ждать от человека желания относиться к дальнему как к ближнему значит дать человеку гарантии взаимности, что возможно лишь при наличии в культуре ценности сочувствия, со-чувствования. Нельзя, далее, ждать сочувствия там, где не развита чувственность. Всякое отождествление требует воображения. Со-образование действий немислимо без способности к образному мышлению. Здесь стоит отметить, что тесно связанной с воображением способности ставить себя на место другого – учат. Эта способность не врождена нам, но разви-

вается в рамках мифологической культуры. Мифологическое мышление, действительно, не знает антиномий человеческого существования, не разделяет субъект и объект, предмет и знак, вещь и слово, пространство и время, существо и его имя, происхождение и сущность. Символизм, благодаря которому объекты могут быть одновременно и самими собой, и чем-то другим, одушевление космоса, неразделенность идеального и вещественного, единство теории и практики и т.п., все это становится возможным благодаря *способности верить*, где верить – не просто воображать то, чего нет, но воспринимать себя *причастным иному*. Всякая духовная ценность существует лишь нашей способностью ощущать свою *тождественность с иным* (сакральным, идеальным, высшим). Символизм мифологического сознания предполагает *действительное* соединение реальностей – видимой и невидимой, посюсторонней и потусторонней, профанной и сакральной. Главное следствие мифотворчества для человека – обретение им умения чувствовать *сопричастность* с вещами, явлениями, людьми. Благодаря мифологическому сознанию человек умеет отождествлять себя с другим человеком. Он умеет чувствовать чужую боль как свою. Развиваясь и совершенствуясь, эта способность и породила феномен нравственности. Способность к со-чувствию по отношению сначала к сородичу, затем к вообще человеку, сначала к тотему, а затем к вообще животному, к дереву, воде, атмосферному воздуху, к инопланетянину и т.п., способность эта и является, на мой взгляд, основанием нравственности. Вырастающая на почве сопричастности способность следовать образцу не критически, восприятие коллективного опыта как предмета не критики, но веры, где коллективный опыт воспринимается как надежный именно в силу своей коллективности, и делают возможным существование системы моральных ценностей и правовой культуры. Культ разума, с одной стороны, и деградация чувственности, с другой, кризис духовности, овеществление и инструментализация человеческих отношений, общая утрата доверия к политическим институтам и вообще веры в людей и общество (вспомним концепцию П. Штомпки) – вот знаки разложения мифологического сознания. Но без веры и воображения, как было показано выше, ответственность и правовая культура невозможны.

Итак, ответственность требует веры, «нерационального» доверия правилам, ведь если мы перестаем *просто верить* нашим учителям, применение моральных правил становится крайне затруднительным. Ответственность невозможна без умения соотносить свою жизнь с жизнью других людей, вне способности к духовному трансцендированию, вне сочувствия людям,

желания и умения жить вместе. Но в век научно-технического прогресса, в век интенсивного атеизма с культом разума и холодного инструментализма при достижении целей в «затоваренном сознании» не целостного, «неестественного» современного человека остается все меньше места для мифотворческой активности, что ставит существование ответственности под угрозу.

Итак:

1. В современном мире важность ответственности, способности человека быть ответственным, возрастает.

2. Ответственность основывается на готовности следовать правилу. Большинство правил не могут быть окончательно рационализированы, все последствия поступков не могут быть прослежены и учтены, поэтому в большинстве случаев готовность следовать правилу должна быть «слепой». Еще более справедливо данное утверждение по отношению к моральным нормам. Ответственность немыслима без *доверия* к другим – условия существования традиции. Доверие невозможно без *воображения*: ситуаций последствия того или иного поступка, ответственных Других, предустановленной гармонии, Бога, абсолютной соразмерности бытия и т.д.

3. Можно с уверенностью говорить о кризисе духовной культуры в современном индустриальном обществе. Порожденный технократической цивилизацией и рыночным прагматизмом кризис духовности или, точнее, «мифологического сознания», ставит под угрозу способность человека *верить* и способность человека *вообразить* (основания ответственного поведения и ответственной жизни человека).

4. Все вышесказанное позволяет говорить о *проблеме*. Данная проблема заключается в невозможности повышения ответственности – главного и необходимого условия развития современного общества – в рамках самого этого общества, где необходимые условия для существования ответственности разрушаются. К сожалению, приходится констатировать, что проблема эта может быть отнесена к разряду проблем глобальных.

Кожевников О.А.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Государственная регистрация юридических лиц как правовой институт на протяжении уже длительного времени динамично развивается. Она приобрела особый смысл в условиях, когда в экономических отношениях